

MEEKXAH

МЕЕКХАН

РОБЕРТ
М. ВЕГНЕР

СКАЗАНИЯ МЕЕКХАНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ:
ВОСТОК — ЗАПАД

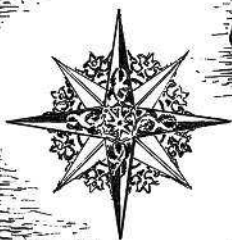

Москва
Издательство АСТ

**МЕЕКХАНСКАЯ
ИМПЕРИЯ**

*Карта согласно
Карте Картографии
Императорского Университета.
Год 853
от основания Города*

УДК 821.111
ББК 84(4Пол)
В26

Серия «Легендарные фантастические сериалы»
Robert M. Wegner
OPowieści z MEEKHANSKIEGO POGRANICZA.
WSCHOD—ZACHOD

Перевод с польского: *Сергей Легеза*

Публикуется с разрешения автора, издательства Powergraph
и при содействии *Владимира Аренева* и *Сергея Легезы*

Дизайн обложки *В. А. Воронина*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Михаила Емельянова

Во внутреннем оформлении книги использована иллюстрация
Иоланты Дыбовской

Подписано в печать 20.07.16.
Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 35,28.
Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

Copyright © 2010 by Robert M. Wegner
Copyright © 2010 by Powergraph
© Сергей Легеза, 2016, перевод
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2016
Copyright © 2015 for the map of Meekhan by Jolanta Dybowska
© ООО «Издательство АСТ», 2016

**ВОСТОК
СТРЕЛА И ВЕТЕР**

И СТАНЕШЬ ТЫ СТЕНОЮ

Постоялый двор «Вендор» стоял на восточной окраине поселения. И хотя Лифрев был не каким-то там местечком, а большим, насчитывавшим более двух тысяч жителей, городом, что лежал на торговом пути между Меекханской империей и землями под властью секохландийских племен, все равно казалось, что «Вендор» попал сюда совсем из другого мира.

Прежде всего из-за его размеров. Само подворье было большим квадратом со стороной ярдов в шестьдесят, а северный и южный концы его подпирались двумя конюшнями, где могло одновременно разместиться более двухсот лошадей. С западной же стороны вставало основное здание.

Основное здание...

Было оно трехэтажным, что уже редкость в этих землях. К тому же построили его из кирпича, а не из серого песчаника, как большинство домов в городе, да еще покрыли красной черепицей, а такому могла позавидовать даже ратуша.

На этом, впрочем, красота постоялого двора и заканчивалась. Стены его были в три фута толщиной и скалились щелями окон, высоких, но настолько узких, что и

ребенок не проскользнул бы внутрь, к тому же закрывались они солидными, окованными металлом ставнями. Двери также не были просто украшением: толщиной в три пальца, низкие, проклепанные железными гвоздями и посаженные на петли шире мужской ладони, они подошли бы скорее для замковой стены, а не для гостеприимного постоянного двора.

Легко можно было представить себе, как в несколько мгновений дом превращается из приветливого к путникам места отдыха в огрызающуюся во все стороны стрелами крепость.

И, пожалуй, именно поэтому он прекрасно подходил пограничному городку и этим беспокойным временам.

Было уже порядком за полночь, когда на тракте застучали копыта десятка-другого коней. Несмотря на позднее время, многие из гостей еще не ложились, одно из окон-бойниц вдруг осветилось, кто-то крикнул, и вокруг вскипело внезапное движение.

Наружу высыпали люди, слуги и сонные конюхи побежали к животным, успокаивая их, помогая сойти всадникам. За слугами из постоянного двора принялись выходить гости, покатился гул разговоров.

— Серый Волк...

— Старый Войдас говорил ему, чтобы подождал...

— Ласкольник — это тот, кто поймал...

— Пару дней как он отправился в дикие поля за а'кером гердоонцев.

— Ну, гляньте-ка, добрые люди...

— А и потрепали их, видать, стычка изрядная случилась.

— Вон, носит волчью...

— На лошадей смотри, Авент, на лошадей.

И вправду, как люди, так и кони выглядели погано. У одного из всадников голова обернута тряпкой, другой

бросался в глаза порыжелой повязкой, кое-как затянутой на бедре, у кого-то еще рука на простой перевязи. На всех заметны следы схватки: порубленные панцири, треснувшие щиты и погнутые шлемы. Но куда важнее было то, как они сидели в седлах: сгорбленные, пошатывающиеся из стороны в сторону, чуть не засыпающие на конских хребтах. А когда друг за другом начали они наконец-то спускаться на землю, то некоторое время покачивались на трясущихся ногах, не зная толком, что делать.

Еще хуже выглядели кони. Загнанные, худые, со сбитой шерстью и запавшими боками, они стояли, неловко раскорячившись, свесив головы и тяжело дыша. Картина беды и отчаяния.

На подворье появился владелец «Вендора», старый Бетт.

— Быстрее, *ламаги*! Лошадей в конюшни, расседлать, вытереть, расчесать, наполнить кормушки и поилки. Людей внутрь! Что, господин генерал, тяжелый день?

Мужчина, к которому он обращался, как раз сходил с сивого жеребца. На человеке был простой военный шлем со стрелкой-наносником, кавалерийская кольчуга, черные кожаные штаны и серая епанча — столько можно было рассмотреть в свете факела. Человек небрежно махнул трактирщику и сразу направился к стоящему чуть поодаль коню. В изукрашенном серебром седле, склонившись и обняв конскую шею, сидел молодой парень. Мужчина ухватил его за плечо и осторожно потянул вниз. Парень внезапно дернулся, заорал дурным голосом и обмяк. Из-под почерневшей повязки на его животе потекла кровь.

— Кайлеан!

Ближайший из всадников соскочил с седла и подбежал. Девушка. Одевалась она на мужской манер: шерстяные штаны, льняная рубаха, сапоги до колен — ни-

чего странного в этой части мира, где женщины часто помогали мужчинам в перегоне стад и иных трудах, что требовали верховой езды. Но на рубаху ее была наброшена кольчуга с короткими рукавами, из-под нее высовывался край набивного колета, а широкий, мастерски сплетенный пояс оттягивала сабля. А это уже был отнюдь не привычный вид даже для местных женщин.

Девушка подхватила раненого за ноги, и вместе они внесли его на постоялый двор.

Военный бесцеремонно сдвинул кружки и миски с ближайшего стола. Осторожно положили парня на испятнанные вином и соусом доски.

Двое купцов, дремлющих оперев головы на сплетенные руки, вскочили с мест.

— Вы чего?! Чего... — затянул пьяным фальцетом тот, что помоложе.

Мужчина проигнорировал его, все внимание сосредоточив на раненом. Его спутница подошла к купцам и принялась что-то шептать, держа ладонь на рукояти сабли. По мере того как она говорила, боевой дух, казалось, покидал пьяниц, а потом оба они, бормоча извинения, поплелись в другой угол комнаты.

Офицер снял шлем, открывая взглядам седую челку, некоторое время осторожно осматривал раненого. Тяжело вздохнул и повернулся, ища взглядом своих людей.

— Бендарей, Рюта, Дагена, передайте остальным. Управятся в конюшне, вьюки — внутрь. Раненых сразу наверх. И пусть кто-нибудь позовет Аандурса.

Владелец постоялого двора уже стоял рядом:

— Слушаю, генерал.

— У него горячка, со вчера блюет кровью и желчью. — Офицер указал на парня. — Нам нужен медик, лучше всего Вайльхорн.

— За медиком я уже послал, но вот старый чародей... Хм... Нет его, пару дней как уехал в Верленн.

— Проклятие! Авейн не доживет до рассвета с такой раной в брюхе.

Берт покачал головой:

— Ничего не поделаем, генерал. Все в руке Владычицы. У меня три свободные комнаты наверху. Одну я уже приготовил для раненых.

— Буду благодарен. И одну — для женщин.

— Как обычно.

Девушка будто бы хотела что-то сказать.

— Не начинай снова, Кайлеан. В конюшнях нынче спит человек сорок возниц в подпитии.

— Ничего бы с нами не случилось.

— С вами нет — а с ними? И чего ты до сих пор здесь торчишь? Кажется, у твоего коня проблемы с передней ногою. И только ты сумеешь это чудовище расседлать, не будучи покусанной и стоптанной. Управься с ним и промой настоем из ромашки. Жаль такое славное животное.

Мгновение они мерили друг друга взглядом, серые глаза мужчины и зеленые — девушки. Наконец она гневно фыркнула, развернулась, метя воздух темно-русой косичкой, и вышла.

* * *

Утром она проснулась последней. Открыла глаза и некоторое время таращилась в беленый потолок, стараясь вспомнить подробности последних дней. Воспоминания были размытыми, неясными, наполненными жаром сражений, свистом ветра в ушах, стуком копыт идущих галопом коней и звоном скрещивающихся сабель. А закончилось все долгим, отчаянным бегством да

погоней, сидящей на загривке. Она непроизвольно дотронулась до повязки, стягивавшей ее левое плечо. Оде-
ревневшие мышцы болели сильнее раны.

Подъем казался дурной идеей, но со двора доносились звуки суеты, а остальные три женщины, с которыми она делила комнату, уже успели выйти.

Она тяжело вздохнула и, проклиная ноющие мышцы, сползла с кровати. В углу нашла миску и кувшин с водой. Умыла лицо, заплела косицу и собрала разбросанные части одежды. С предыдущего вечера она помнила только, что была так измучена, что стягивала их, мечтая о постели. Втиснулась тогда между Леей и Дагеной и уснула, прежде чем обе прекратили ругаться.

Поколебавшись, она отбросила пропотевшие вещи в угол и вытащила из вьюков чистые. Зеленая рубаха, синий кафтанчик, темно-синие штаны, свежие онучи. Когда она наконец натянула высокие сапоги и перепоясалась саблей, почувствовала себя куда лучше.

Кошмары предыдущих дней побледнели.

Она услышала стук когтей по полу, и из темного угла появился пес. Зверь был палевым, похожим на степного волка, но больше и массивней. В холке он доходил ей до середины бедра, а мощные челюсти, казалось, предназначались для дробления костей.

— Привет, Бердеф... — Она присела и почесала его за ухом. — Я уже боялась, что ты не сумеешь нас догнать. Хорошо, что ты вернулся, но не крутись здесь, особенно около конюшен. Кони этого не любят.

Пес заворчал и отошел в угол. Потоптался там по кругу и свернулся на полу.

— Ну ладно, если хочешь, то можешь остаться и здесь. Я иду в конюшни.

И вышла.

* * *

На подворье было людно. В «Вендоре», кроме ее отряда, стояли еще и купцы, идущие с караваном в Тенкор, несколько странствующих торговцев-нищевродов, пара фокусников, группка пастухов и порядком иного люда — невесть каких занятий. В эту пору те, кто уже успел протрезветь или же, к досаде Бетта, не упился в прошлый вечер, суетились по всему двору. Караван — десяток тяжелых, крытых полотном фургонов, в каждый из которых впряжена была четверка лошадей, — собирался в путь. Предводитель его, красный с лица и со злостью в глазах, матерился, будто сотня сапожников, ясно давая понять, что именно он сотворит со своими возницами, ежели те тотчас не пустятся в дорогу.

— Сейчас же! — надрывался он, размахивая руками. — Слышите, недостойные и плевка козьи ублюдки?! Сейчас же!!

Фургоны неторопливо покидали подворье с эскортом двадцати вооруженных до зубов всадников.

Несколько она узнала. Чаардан Веторма.

Она свистнула в два пальца и помахала последней двойке. Те поприветствовали ее в ответ, не пытаясь перекриковать царящий здесь бедлам.

Сам Веторм, в седле, чуть склонившись, как раз разговаривал с Ласкольником. Командира она узнала, главным образом, по седой шевелюре. Одетый по-праздничному, гладко выбритый, выглядел он так, словно несколько последних дней провел, вылеживая под пуховой периной.

Наконец Веторм кивнул, улыбнулся, пожал Ласкольнику руку и погнал вслед каравану.

Кха-дар неспешно подошел к ней:

— Доброго дня, Кайлеан. Как спалось?

— Доброго дня, кха-дар. Не знаю, не помню. Не слышала даже храпа Леи. Что там у старого злодея?

— У Веторма? Сама видишь, трудится нынче, предоставляя эскорт для караванов неветских купцов. Платят порядком, дают еду и процент от прибыли. К тому же — скучная работа, словно кишки в масле.

— Хотелось бы и мне порой так поскучать. Без обид, кха-дар.

Тот чуть улыбнулся.

— Я тебя прекрасно понимаю, девушка. Но... служить людям, которые и дня не провели под голым небом, но говорят тебе, куда ехать, как быстро, с кем биться — и даже когда слезать с коня? Ну, скажи-ка сама.

Он демонстративно передернулся.

— Я проведаль твоего коня. Выглядит лучше, но ногу я осмотреть не сумел, скотинка даже на меня зубами щелкает. Тебе бы с ним поговорить, объяснить, кто здесь командует.

— Я пытаюсь, кха-дар, пытаюсь каждый день, но он все еще считает, что пуп вселенной — это кони.

Он улыбнулся и отправился по своим делам. Кайлеан же пошла к хозяйственным пристройкам.

В конюшне было пусто. Торин приветствовал ее благодушным пофыркиванием. Она погрозила ему пальцем:

— Ты снова ведешь себя словно дикарь. Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не пытался кусать людей из нашего чаардана?

Он фыркнул снова, чуть менее благодушно.

— Никаких «но», — ласково похлопала она его постройной шее. — Последние три дня ты был молодцом. Я тобой горжусь.

Он игриво толкнул ее башкой, едва не опрокинув.

— Да тихо ты... — Она склонилась над его обмотанной полотном бабкой. — Лучше покажи ногу.